

ревенских парней... («В темноте да наощупь...»); *И терпеть-зависеть* мне / От твоих туманов... («Не ищи беды-вины...»);

– ментальные действия и состояния: *Все мне грезятся-помнятся* / Наши дни-вечера («Сколько зим, сколько лет уже...»); *Думать-грезить*: скоро ль кто-нибудь / Вздумает на помощь заглянуть («Не крестила, не благословляла...»); *Поначалу* – на юморе / *Помечтали-подумали*, / Там – серьезно дополнили, / *Порешили-исполнили* («Об одном походе»);

– действия с оттенком модальности: *Он хотел-умел* лишь это: / Складно мыслить, быть поэтом! («Он хотел-умел лишь это...»); *Бдить-наставлять*, чтоб не пали / Да не расшибли сердца... («Время летит – не зачуркать!...»); *Знакомо* звал Пеструхой, – / Не сомневайся, мол, иди, – / *Солил-сулил* краюху («...И вот, с веревкой на рогах...»); *Им – метать-торопиться*: / Вёдро, слышь, не на год... («Июлю 1985 года»).

Выводы.

Итак, ярким выразительным средством в поэзии О. А. Фокиной выступают разнообразные дефисные

глагольные конструкции, позволяющие передать динамику разговорной речи, создать необычные образы, организовать оригинальный стихотворный ритм: *По льду метет-переметает*, / *А подо льдом – журчит-струит*, / *Покатым камешком играет*, / *Песчинки гладит-шевелит* («Я по тебе отгосковала...»); *Я тропу до крыльца / пробреду-протопчу*. / *Громко брякну кольцом на воротах*. / *И бересту в печи / подожгу-засвечу*, / *И возьмусь за родную работу*... («А в деревне сейчас...»).

Литература

1. Петров, А. В. Дефисные аппозитивы в поэзии Ольги Фокиной / А. В. Петров // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». – 2014. – № 4. – С. 31–35.
2. Петров, А. В. Дефисные конструкции как выразительное средство в поэзии Ольги Фокиной / А. В. Петров // Северный и Сибирский тексты русской литературы как сверткостексты: типологическое и уникальное: Сборник. – Архангельск, 2014. – С. 327–336.
3. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М., 2003.

УДК 821.16.1

Т. А. Пономарева

Московский педагогический государственный университет

КОНЦЕПТ «РОДИНА» В ЛИРИКЕ ДМ. КЕДРИНА

В статье раскрывается смысловое наполнение концепта «Родина» в лирике Дм. Кедрина. Рассматриваются понятийный уровень концепта, представленный образом «большой» Родины-России, аксиологический и эмоциональный, связанный с авторским отношением к родной стране. Национальный пейзаж, образы русской истории и русской культуры являются основой художественной картины мира поэта. Выделяется христианская составляющая национального менталитета.

Концепт, родина, картина мира, историческое сознание, национальный пейзаж, исторические реалии.

The article underlines the semantic content of the concept *homeland* in the lyrics of Dm. Kedrin. The notional level of the concept represented by the axiological and emotional image of the "great" Motherland-Russia associated with the author's attitude to his native country, is considered in the article. National landscape, images of Russian history and Russian culture are presented as the basis of artistic picture of the poet's world. Christian component of the national mentality is highlighted.

Concept, homeland, picture of the world, historical consciousness, national landscape, historical realities.

Введение.

Поэтическая судьба Дм. Кедрина (1907–1945) складывалась трудно. Единственная прижизненная книга «Свидетели», в которую вошло всего семнадцать стихотворений, была опубликована лишь в 1940 г., хотя печататься Кедрин начал в середине 1920-х гг. Многие его стихи стали известными только в эпоху поэтического бума 1960-х, когда автор исторических поэм и прекрасный лирик получил заслуженное признание.

Основная часть.

В центре художественной картины мира Кедрина – образ России, родной страны, не случайно сборник

стихов военных лет он назвал «Русские стихи». В русском языке содержание понятия *родная страна* связано с так называемой «патриотической триадой»: лексемами «родина», «отечество», «отчизна». При этом доминантной является «родина», наиболее многозначная и наиболее частотная смысловая структура. «Этимологически значение “родина” первично <...> и выступает основой для последующего метафорического переноса на страну гражданства – отечество. В значении “родная страна” слово “родина” впервые встречается у Гаврилы Державина в конце XVIII века» [4]. Концепт «Родина» относится к универсальным, так как он присутствует во всех этнокультурах. Интерес к этому ключевому слову в

нашей науке обозначился в 90-е годы прошлого века, что обусловлено, с одной стороны, интенсивным развитием когнитивной лингвистики и становлением отечественной лингвокультурологии, с другой стороны, разрушением «большой родины» СССР и необходимостью нового осмысления национальной идентичности, русской и российской этно-культурной специфики [1], [3]–[5], [12], [15].

В словарях русского языка зафиксированы два основных значения лексемы «родина»:

- 1) родная страна – «Родина», «большая родина»;
- 2) место рождения происхождения – «малая родина» [9, с. 681], [16, с. 1369], [13, с. 723].

Лингвисты также отмечают, что только в русском языке существует зафиксированная в словарях словообразовательная связь существительного «родина» с прилагательным «родной» (синоним «родимый») в значении «свой по рождению, по духу, по привычкам» [9, с. 681], [16, с. 1372]. «Родной» воплощает представления русского человека о себе, национальном менталитете, этносе – родной дом, родная земля, родной человек, родная страна [6, с. 239–246]. Константа «родная земля», выделенная Ю. С. Степановым [14], является базовой для русского самосознания и основополагающей в содержании концепта Родина.

Ключевыми концептами в художественном сознании Дм. Кедрина 1920-х – первой половины 1930-х гг. были *мир* (новый мир, новая социальная реальность) и *время* («время мое», «эпоха»), тесно связанные образом родины. Поэт обращается к социальному настоящему, к современной действительности («над нами шумит эпоха»). Лирический герой предстает перед читателем как «безымянный строитель «удивительной этой страны» («Строитель») [8, с. 21].

Кедрин рисует, прежде всего, образ «большой родины», «великой страны». От стихотворной публицистики, посвященной социалистическому строительству, поэзию Кедрина отличало эмоционально-чувственное восприятие социальных событий. В знаменитой «Кукле» пафос победы «моего времени» дополняется мотивом сочувствия к судьбе обездоленной девочки, душевной теплоты. Характерные для русского сознания «женские» метафорические ассоциации, связанные с родиной, которые создают особое чувство сопричастности с ее судьбой, проявляются у поэта в традиционном образе Родины-матери: «Прекрасная нежность во взорах // Той великой страны, // Что качала твою колыбель» [7, с. 61].

«Малая родина», «родимая земля» соотносится в сознании Кедрина, как правило, с социальным прошлым. В его раннем творчестве нашел воплощение есенинский конфликт *деревянной Руси* и «дней грядущих», мотив ухода от *родимой земли*. Но молодой поэт, становление личности которого пришлось на иную социальную эпоху, не ощущал драмы этого разрыва, которая присутствовала в творчестве его сверстников – в лирике Б. Корнилова («На Керженце»), в поэмах П. Васильева. Так, в одном из первых

известных нам стихотворений Кедрина «Я ушел от родимой земли» (1924) проявляются не только текстуальные переключки с Есениным («Я покинул родимый дом»), но и стремление его «преодолеть»:

Я ушел от родимой земли
И туда никогда не вернусь,
Где тропинками ветер в пыли
Бороздит деревянную Русь.
.....
И теперь, что ни день – мне милей
Перезвон городских голосов,
Все чужее размахи полей
И зеленые храмы лесов [8, с. 7].

Есенинский мотив будущего, пусть и не близкого возвращения («Я не скоро, не скоро вернусь»; «Я вернусь, когда раскинет ветви...») трансформируется в мотив невозвращения, безвозвратного ухода туда, где создается новый лик Родины.

Значимой характеристикой «малой» родины является у Кедрина *родимая земля*. В ее описании важную роль играют природные образы, не случайно неоформленный цикл, куда вошло стихотворение «Я ушел от родимой земли», называется «Тропы ржаные». Поэт использует типичные приметы не столько южного, сколько общерусского пейзажа: пыльные тропинки, «размахи полей», «зеленые храмы лесов», «синие глаза озер», «туманное поле», «туман серебряный», черные стога, зеленый бор, плакучие ивы.

В концептосферу родины в ранней поэзии Кедрина входит и «среда обитания» героя и автора – Екатеринослав (Днепропетровск), Днепрополь. В создании образа «малой родины» повторяются определения *мой и родной: моя родная долина, мой хмурый мост, родные берега, город мой*, акцентирующие чувство родства с родным краем, который связан с мотивом памяти о юности, но чаще всего раскрывается через противопоставление старой и новой жизни («Затихший город», «Мост Екатеринослава»).

Осмысление быстро меняющейся действительности стало для Кедрина истоком формирования исторического сознания, темы русского пути. В ней нет того налета социологизма, который нередко проявлялся в литературе 20–30-х гг. Социальный контраст, свойственный ранним стихам, сменяется осознанием исторической преемственности. Уже в стихотворениях 1927–1928 гг. «Зимний вечер», «Грешник», «Вздохмаченный, невымытый и седой», «Кремль» появляется прошедшее время, возникают образы русской истории («старые полтавские поверья, // Темные черниговские были») и традиционные русские типы – странника, крестьянина-первопроходца:

Вздохмаченный, невымытый и седой
Прошел от Борисфена до Урала¹. –
И Русь легла громадной бороздой,
Как тяжкий след его орала [7, с. 221].

¹ Борисфен – древнее название реки Днепр. – URL: dic.academic.ru/dic.nsf/lubker/4243/БОРИСФЕН

В конце 1930-х и в 1940-е гг. в поэзии Д. Кедрина рождается и облик Руси православной, хотя в нескольких стихотворениях поэт и отдал дань антирелигиозной пропаганде. Так, в стихотворении «Христос и литейщик» (1933) появляется образ «лживого бога», статую которого, «смеясь», отправляют в переплавку. В том же году написано стихотворение с символическим заглавием «Добро», в котором лирический герой отказывает в милости нищему, подозревая в нем не то бывшего купчину, не то кулака. Но первым инстинктивным движением он нащупал в кармане серебро: «Недаром премудрость церковных книг // Учила меня сотворять добро».

Поэму «Зодчие», написанную в 1938-м и опубликованную в сборнике 1940-го года, критика рассматривала как пересказ известного предания «про страшную царскую милость» Ивана Грозного, который повелел выстроить в память о взятии Казани храм, а затем ослепил мастеров, «чтоб в земле его церковь стояла одна такова». Современное литературоведение указывает на конфликт поэта и власти, соотносимый с эпохой нового Грозного царя – Сталина как на ключ к этому произведению. Но не менее важным является отражение в поэме христианского мировидения. Оно обнаруживается с указания автора на обычай закладывать храм в память знаменательных событий, начинать работу с крестного знамения («покрестясь на восток»), завершать труд освещением постройки. В поэме присутствует и православный календарь: постройка начинается «в субботу на вербной неделе». Кедрин любовно описывает создание «дикивинного» храма – чуда русской архитектуры с его стрельчатыми башенками, переходами, луковками куполами: «Мастера заплетали / Узоры из каменных кружев»; «купол золотом жгли» / Скаты крыли лазурью снаружи» [7, с. 230]. Перечисление деталей выходит за рамки чисто эстетической функции, создается образ Божьего дома, украшенного «живописной артелью монаха Андрея Рублева» и другими богомазами. Духовная красота противопоставлена земной жизни: «А над всем этим срамом // Та церковь была – / Как невеста!»; «и стояла та церковь, / Такая, / Что словно приснилась». Но контраст земного и небесного, плоти и духа в «Зодчих» не доходит до их разъединения. Храм Покрова одухотворяет «жизнь в ногах у постройки», о чем говорит образ «непотребной девки», застывшей в изумлении перед этой красотой.

Пройдет совсем немного времени, и в поэзии Кедрина будет запечатлено душевное и духовное родство с той Россией, где «фрески Андрея Рублева / На темной церковной стене» («Родина») [7, с. 30]. Образы храма, «зеленой кровельки церковной», высокой звонницы, забытых погостов с покосившимися крестами были приметами русского национального пейзажа, что объясняет возможность их появления в советской печати. Одновременно они воскрешали Русь христианскую.

Как известно, Великая Отечественная война сгладила противостояние государства и церкви. Непосредственно это сближение мало отразилось в лите-

ратуре, но оно наложило отпечаток на образ Родины. Взлет лирического дарования Кедрина пришелся на военные годы. Главной в его творчестве становится тема России, не случайно так и не вышедшему сборнику военных лет он дал название «Русские стихи».

Образ Родины, идея патриотизма, национальные чувства являются характерными чертами всей поэзии Великой Отечественной войны, при этом русское и советское осмысливаются в этот период как синонимические понятия. Чувство Родины пронизывает «Слово о России» и «Русской женщине» М. Исаковского, «Россия», «Стихи о России», «Русская земля» Н. Рыленкова, лирическую поэму «Россия» А. Прокофьева, «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины» К. Симонова, «Русская песня», «Сестра» И. Уткина и др.

Родина в военной лирике Кедрина предстает не только в облике Советской Отчизны, но и традиционной Руси. Концепт Родины, лексемы «русский», «советский» присутствуют уже в заглавиях стихотворений или в начальных строчках: «Хочешь знать, что такое Россия» «Россия! Мы любим неяркий свет», «Дума о России», «Родина», «Мы – родины солдаты», «Мы помним, Родина», «Все дальше на запад советский боец», «Русский офицер», «Баллада о русском пленном».

Кедрин не изображает прошлое, он в современности находит исторические корни русского патриотизма. Основу художественной картины мира поэта образует единство национального пейзажа (образ широкого русского пространства), русской истории (образы исторического времени) и русской культуры как отражение национального менталитета. Этим триединством обусловлен основной композиционный прием стихотворений Кедрина периода войны, отмеченный исследователями, – «неисчерпаемый ряд с перечислением всего, что дорого русской душе» [8, с. 20]. Так, в стихотворении «Родина» (1942) качественная характеристика концепта Родина, которая обычно соотносится с «малой Родиной», переносится на все Отечество: «Весь край этот милый навеки / В стволах белокорых берез, / <...> / Запомни: / – «все это Россия» [7, с. 31].

Картина русского национального пейзажа создается обычно с помощью анафорических повторов. Пейзажные описания в стихотворении «Родина» начинаются с указания на универсальный символ среднерусской природы – березу. В перечислительный ряд попадают такие традиционные детали национального пейзажа, как: реки, плес, поля, соловьи, «липы на старом кладбище», которые подчеркивают неповторимость образа Родины. В других стихотворениях они дополняются такими значимыми для русской картины мира природными реалиями как *околица*, *большак*, (синоним *пути-дороги*), *санный путь*, «раздолье нив», «дым становий», «стенной одинокий стог», «поле с гречихою», «дальний лес», «леса, речушки, избы и покосцы», *зябкие осинки*, *темная чаща*, «глушь да топь», и обобщенные – «*русская румяная зима*» «*русское небо синее*», «*просторное небо*» и «*широко раскинулась Россия*». В пейзажные зарисовки включаются социально-

исторические реалии: *застава, кабак, «косые ребра будки полосатой», вечевой колокол, лабазы, било, ратники* и т. д.

Историко-поэтические ассоциации соединяют Древнюю Русь, когда «русичи с глазами голубыми на зверье с рогатиной ходили», Московское царство, русскую империю и «советскую нашу страну» в единый образ Родины: «К нам, древней славы неуспынным стражам // взывает наше прошлое». Поэт апеллирует к славным традициям прошлого: «Чтоб Отчизне цвести и сиять, / Голосами седых твоих пращуров / Я велю тебе насмерть стоять!» («1941») [7, с. 129].

Мотив русских побед содержит упоминание о щите Олега, битвах с половцами («Пели гусли вещего Бояна / Славу прошлых битв, и Русь стояла»), борьбу с татарами («И Москва на пепле вырастала»), ливонцами, победы Петра Первого («в старом полтавском музее // Полотнища шведских знамен», «деды в андреевских звездах»). Ономастикон Кедрина содержит как имена завоевателей, так и фамилии защитников Отечества: «орды Чингисхана», Батый. Стефан Баторий, который вел «гордое шляхтство» на Москву, Бонапарт, а также «тароватый Минин», «Донской с Пожарским», которые «вызволяли Русь», царь Иван Великий, Ермолов, Суворов. Топонимы Новгорода, Москвы, Смоленска, Тулы, Казани, Дона также отсылают нас к теме защиты Родины.

Поэт обращается и к темным, трагическим сторонам русской истории: «слезы псковских полонянок», «дудка в руке Самозванца», «клетка, где жил Пугачев» («Хочешь знать, что такое Россия»), казнь декабристов на острове Голодай, бубновый туз каторжан, Григорий Распутин – «всей империи первый взяточник». Но Кедрина близко блоковское понимание Родины: «Да и такой, моя Россия...», не случайно эти слова Блока он ставит в качестве эпиграфа к стихотворению «Хочешь знать, что такое Россия» (1942), завершая его строками:

Да, страна не была наша раем;
Нас к земле прибивало дождем.
Но когда мы ее потеряем,
Мы милей ничего не найдем [7, с. 26].

И Отечественная война осмысливается поэтом как творимая трагическая история Родины («История», 14 ноября 1941 г.). Ее судьба не отделима от судьбы поэта («В те дни решалась общая Судьба / Моя судьба, твоя судьба, Россия!» («16 октября», 20 октября 1941 г.) [7, с. 120].

Не менее богат у Кедрина перечислительный ряд русской культуры, включающий фольклор (сказки, былины, предания), ремесла, живопись, словесность: «серый волк царевича Ивана», царевна Несмеяна, Аленушка, Илья Муромец», «гусли вещего Бояна», Репина, неоднократно упоминаемый Андрей Рублев, «вдохновенные картины» Васнецова, «Бурлаки», И. Репин, Растрелли, «на ларчиках черных кудрявая вязь палешан», Пушкин, гоголевский Тарас Бульба, Чаадаев, Грибоедов и его герои Чацкий и Молчалин, «чай в кустодиевском блюде», русская «песня

усталая», само «звонкое русское слово». В мир культуры органично входит ее христианская составляющая: «псковских соборов стрельчатых / Причудливые купола», «лавры Киево-Печерской золоченый купол», церковный колокол.

Кедрин обращается и к бытовой культуре России, ее традиционному укладу: лабазы, хлеб-соль на столе, «в чарочке пенник», «мужик в портах посконных».

В поэтическом языке автора современная лексика дополняется исконно русской (*мамушка, дитяtko, зыбка, пажити, кручина, полонянка*), в том числе и связанной с христианством: «Война пройдет – и слава богу» («Мать»); «на грозный бой, на последний бой, / Россия! благослови!» («Россия! Мы любим неяркий свет»); «ловкач, прости его Христос» («Толкучий рынок»). Не случайно, в «Думе о России» фашисты именуются «ордой поганой», как издревле называли противников-иноверцев.

Как отмечается в когнитивной лингвистике, среди лексических ассоциатов, входящих в ассоциативное поле концепта Родина, почти треть составляет слово «мать», которое дополняется и другими женскими образами [11, с. 558]. Это метафорическое воплощение идеи любви к Родине характерно и для Кедрина. В его поэзии военных лет мы видим прямое олицетворение Родины: «В час испытаний / Поклонись отчизне // по-русски, // в ноги, и скажи ей: «Мать» («Завет»). Или: «Ты каждому – трижды мать»; «Много бед Россия выносила»; «Я, Россия, с тобой говорю». Родина отождествляется с царевной Несмеяной, Аленушкой. Кроме того, у Кедрина немало стихотворений посвящено образу женщины – матери, переживающей великую трагедию войны как светопреставление («Мать», «В булочной», «Глухота», «Плач»).

Патриотическая идея любви в лирике Кедрина неотделима от идеи защиты Родины и веры в ее победу. Это приводит к появлению публицистического дискурса с его призывными интонациями, обращениями ко всему воюющему народу и к каждому, что объясняет частотность второго лица единственного числа в его стихах:

Грудью станем! Будем насмерть драться!
.....
Русские не склонятся знамена!
Будем биться так, чтоб видно было:
В мире нет сильнее русской силы!
.....
Чтоб вовек стояла величаво
Мать Россия, наша жизнь и слава!
(«Дума о России») [7, с. 37].

Поэт создает образ Родины в ее пространственно-временном континууме, раскрывает чувства сопричастности уникальной судьбе «нашей страны», любви, преданности, гордости и минуты отчаяния, характерные для тяжелых месяцев осени 1941 г., когда немцы находились в двух десятках километров от подмосковского дома поэта («Плач», «Ночь в убе-

жище», «Дом», «Газ», «На погост завернула дорога», «Это смерть колотит костью»).

Языковым выражением личностного отношения к Родине являются многочисленные эпитеты и метафоры. Родина Кедрина – «милая», край, «милый навеки», край, «дороже всех заморских сказочных земель», в ней даже воздух *ласкающий*, это «наша первая в жизни любовь».

В рукописях так и не изданных книг «День гнева» и «Русские стихи», наряду с «большой родиной», появляются и упоминания «малой Родины» – «родного края», топонимы, связанные с военной географией и хронологией («Днепропетровский», «Октябрьская битва», «Полустанок», «Станция Зима», «Пленные» и др.), конкретные приметы и детали военной поры.

Выводы.

Таким образом, в военной лирике Кедрина актуализированы все уровни концепта Родина – понятийный, содержащий образы «большой» и «малой» Родины-России и «малой», аксиологический и эмоциональный, связанный с личностным отношением к изображаемому, которое поэтически точно воплощено в финальных строках стихотворения «Красота», написанного в тяжелом сорок втором году:

Я теперь понимаю, что вся красота –
Только луч того солнца, чье имя – Россия!
[7, с. 25].

Литература

1. Багичева, Н. В. Россия – мать или мачеха? (метафорическое моделирование образа Родины) / Н. В. Багичева // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 5. – Екатеринбург, 2000.
2. Большой толковый словарь русского языка. – СПб., 1998.
3. Воркачев, С. Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре / С. Г. Воркачев. – Волгоград, 2008.
4. Воркачев, С. Г. Слово «Родина»: значимость составляющая лингвоконцепта // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования / С. Г. Воркачев. – Волгоград, 2007. – URL: <http://lse2010.narod.ru/index/0-187> (дата обращения 12.01.2015).
5. Есмурзаева, Ж. Б. Культурная доминанта РОДИНА в ценностной картине мира / Ж. Б. Есмурзаева // Сборник материалов к международной научной конференции аспирантов и студентов при гуманитарном факультете ОмГАУ. 2010 год. (К юбилею Рины Ахметовны Рияновой). – Омск, 2010. – С. 68–72.
6. Зализняк, А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М., 2005. – С. 239–246.
7. Кедрин, Д. Б. Дума о России / Д. Б. Кедрин. – М., 1990.
8. Кедрин, Д. Б. Избранное / Д. Б. Кедрин. – Уфа, 1975.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1997.
10. Петрунин, Ю. Замыслы и свершения / Ю. Петрунин // Кедрин Д. Дума о России. – М., 1990. – С. 5–22.
11. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / [Ю. Н. Караулов и др.]. Т. 1. – М., 2002.
12. Сandomirska, I. РОДИНА, ОТЕЧЕСТВО, ОТЧИЗНА в дискурсивных практиках современного русского языка. Опыт анализа культурной идиомы / И. Сandomirska // Etnolingwistyka 11. Lublin, 1999. – S. 51–68.
13. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. – М., 1981.
14. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М., 1997.
15. Телия, В. Н. Концептообразующая флуктуация константы «родная земля» в наименовании родина / В. Н. Телия // Язык и культуры: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. – М., 2001. – С. 409–418.
16. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Д. Н. Ушаков. Т. 3. – М., 2000.

УДК 81 374

Н. П. Тихомирова, Т. А. Воробьева
Череповецкий государственный университет

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ В БЕЛОЗЕРСКИХ ГОВОРАХ

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта 14-14-35001а(р)
«Словарь западных говоров Вологодской области»*

В статье на материале разных тематических групп рассматриваются типы синонимов, функционирующие в белозерских говорах, устанавливаются источники синонимии, как-то: лексическая система древнерусского языка, система литературного языка, язык фольклора, лексическая система самого говора, иноязычные системы.

Диалектная лексика, парадигматические структурно-семантические связи слов в говоре, типы синонимов, синонимический ряд, сема, тематическая группа, номинация, средства номинации, мотивировочный признак.

The paper considers the types of synonyms functioning in Belozersk dialect on the material of different lexical sets. The authors determined the sources of synonyms. They are lexical system of the Old Russian language, the system of the literary language, folklore language, lexical system of the dialect, foreign systems.

Dialect lexicon, paradigmatic structural and semantic relationships of the words in dialect, types of synonyms, synonymic row, seme, lexical set, nomination, means of nomination, motivational sign.